

DOI 10.21672/1818-510X-2021-69-4-081-090

**КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ФАКТОР В ДИСКУРСЕ
КОНТАКТИРУЮЩИХ ЭТНОСОВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ***

Косов Геннадий Владимирович, доктор политических наук, профессор
Севастопольский государственный университет
Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: kossov1@yandex.ru

Маковская Дарья Владимировна, кандидат политических наук
Севастопольский государственный университет
Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: 76mdvl@mail.ru

Гарас Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Севастопольский государственный университет
Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: garas_ln@mail.ru

Анализируются процессы, происходящие в полиэтничном регионе на примере города федерального значения Севастополь. Подчёркивается, что на современную ситуацию в межнациональных отношениях проецируются события, связанные с особенностями развития истории советского государства, включающими процесс депортации крымских татар и иных этносов, проживающих на территории Крыма, а впоследствии – их реабилитация и репатриация. Применение авторами в качестве теоретико-методологической базы парадигмы социального конструктивизма, в частности, метода дискурсивного анализа, а также проведение интервью с представителями контактирующих с крымскими татарами этносов, позволило выявить ряд ключевых дискурсов относительно участия крымских татар в Великой Отечественной войне и факта депортации. Отмечается, что доминирует дискурс о неоднозначной (двойственной) роли крымских татар в Великой Отечественной войне, то есть подразумевается наличие в этнической среде как защитников Советской страны, так и коллаборантов. Особый акцент делается на том, что крымские татары мало чем отличаются в этом отношении от представителей иных этносов СССР. Авторы указывают, что респонденты отмечают существование среди представителей крымско-татарского народа большое количество героев как в рядах Советской армии (например, Амет-Хан Султан и др.), так и в партизанском движении. Подчёркивается, что большинству респондентов известен факт депортации крымских татар из Крыма, как депортации и иных этносов в этот период. Данное событие осуждается и считается неприемлемым. Процесс репатриации оценивается преимущественно положительно, однако вызывает некоторые опасения относительно возможности дестабилизации межэтнических отношений, что позволяет утверждать о наличии в регионе проблемы латентной межэтнической напряжённости. Указывается, что для сохранения добрососедских отношений в регионе необходима продуманная политика власти и использование потенциала гражданского общества.

Авторы особо подчёркивают, что исследование носит качественный характер и не может быть распространено на представления всех этногрупп, контактирующих с крымскими татарами; для повышения уровня достоверности требуется проведение дополнительных исследований.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, депортация, репатриация, крымские татары, контактирующие этносы, межэтнические отношения, латентная конфликтность, межэтническое согласие, Крым, Севастополь.

Цитирование. Косов, Г. В. Крымско-татарский фактор в дискурсе контактирующих этносов города Севастополя / Г. В. Косов, Д. В. Маковская, Л. Н. Гарас // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4 (69). – С. 81–90. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-081-090.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-411-920003 «Детерминанты и механизмы закрепления сформированного депортацией 1944 года комплекса жертвы в коллективном сознании крымских татар города Севастополя и инструменты его преодоления».

**CRIMEAN-TATAR FACTOR IN DISCOURSE OF
CONTACTING ETHNOSES OF THE CITY OF SEVASTOPOL***

Gennadiy V. Kosov, Doctor of Political Sciences, Professor,
Sevastopol State University
33 Universitetskaya Str., Sevastopol, 299053, Russian Federation
E-mail: kossov1@yandex.ru

Daria V. Makovskaya, Candidate of Political Sciences
Sevastopol State University
33 Universitetskaya Str., Sevastopol, 299053, Russian Federation
E-mail: 76mdvl@mail.ru

Lyudmila N. Garas, Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Sevastopol State University
33 Universitetskaya Str., Sevastopol, 299053, Russian Federation
E-mail: garas_ln@mail.ru

The article analyzes the processes taking place in a multiethnic region using the example of the federal city of Sevastopol. It is emphasized that events related to the peculiarities of the development of the history of the Soviet state, including the process of deportation of the Crimean Tatars and other ethnic groups living on the territory of Crimea, and subsequently - their rehabilitation and repatriation, are projected onto the current situation in interethnic relations. The authors' application of the paradigm of social constructivism as a theoretical and methodological base, in particular the method of discourse analysis, as well as interviews with representatives of ethnic groups contacting the Crimean Tatars, made it possible to identify a number of key discourses regarding the participation of Crimean Tatars in the Great Patriotic War and the fact of deportation. It is noted that the dominant discourse is about the ambiguous (dual) role of the Crimean Tatars in the Great Patriotic War, that is, it implies the presence in the ethnic environment of both defenders of the Soviet country and collaborators. A special emphasis is placed on the fact that Crimean Tatars differ little in this respect from representatives of other ethnic groups of the USSR. The authors point out that the respondents note a large number of heroes among the representatives of the Crimean Tatar people, both in the ranks of the Soviet Army (for example, Amet-Khan Sultan, and others) and in the partisan movement. It is emphasized that most of the respondents are aware of the fact of the deportation of Crimean Tatars from Crimea, as well as deportation of other ethnic groups during this period. This event is frowned upon and considered unacceptable. The repatriation process is assessed mostly positively, but it raises some concerns about the possibility of destabilization of interethnic relations. This allows us to assert that there is a problem of latent interethnic tension in the region. It is indicated that in order to preserve good-neighborly relations in the region, a smart policy of the authorities and the use of the potential of civil society are necessary.

The authors emphasize that the research is of a qualitative nature and cannot be extended to the views of all ethnic groups contacting the Crimean Tatars; to increase the level of reliability, additional research is required.

Keywords: the Great Patriotic War, deportation, repatriation, Crimean Tatars, contacting ethnic groups, interethnic relations, latent conflict, interethnic harmony, Crimea, Sevastopol.

Citation. Kosov, G. V., Makovskaya, D. V., Garas, L. N. Crimean-Tatar factor in discourse of contacting ethnoses of the city of Sevastopol. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2021, no. 4 (69), pp. 81–90. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-081-090.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Уникальным регионом России, характеризующимся контактностью ареалов цивилизаций (православной, исламской и западной секулярной), а также социокультурным и политическим фронтиром, выступает Крым. В силу этого самосознание как крымского сообщества в целом, так и составляющих его этнических групп развивается в условиях повышенной конкуренции, в том числе выбора ценностей, ориентаций, символов гордости, событий исторической памяти [2, с. 97–98]. И несмотря на то, что история неуклонно движется вперед, научной рефлексии требуют вопросы минувших дней, связанные, в частности, с сущностным событием XX в. – Великой

---

*The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Sevastopol within the framework of the research project No. 20-411-920003 "Determinants and mechanisms of consolidation of the victim complex formed by the deportation of 1944 in the collective consciousness of the Crimean Tatars of the city of Sevastopol and tools for overcoming it".

Отечественной войной, а также событиями, развернувшимися в Крыму практически вслед за освобождением Севастополя (9 мая 1944 г.) – это депортация из Крыма ряда народов, в том числе крымских татар [11].

Целью нашей статьи является определение дискурсов в отношении крымско-татарской этногруппы, а именно: участия её в событиях Великой Отечественной войны и факта депортации 18–20 мая 1944 г., посредством проведения интервью с представителями контактирующих этносов, проживающих в городе федерального значения Севастополь.

Теоретическая база

Теоретико-методологической базой работы выбран социальный конструктивизм [17]. Исходя из того, что идентичность это дискурсивно конструируемая величина, обладающая достаточной степенью подвижности, находящаяся «в процессе» непрерывного «формирования» [14], она зависит от целого ряда социокультурных, исторических и политических условий и действительности. В таком случае для её выражения и конструирования высокая значимость отводится семиотическим ресурсам (языку и т. д.) [7]. Социальность языка, по мнению швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, позволяет не только и не столько выражать свои самобытные мысли, но и активировать смыслы, уже включённые в систему нашего языка и культуры [14]. Как утверждал Р. Блакар, «выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [4, с. 92].

Учитывая, что дискурсы коллективно разделяемы и социальные, интегрированы в процесс взаимодействия между социальными группами и сложными социальными структурами, поэтому для более полного понимания дискурса и его эффектов обязательно необходимо учитывать контекст его возникновения [18; 19]. То есть, опираясь на «дискурсивные практики», можно определить, с чем было связано появление высказывания, его границы, концепты и связь с другими высказываниями, проанализировать связь между дискурсом и реальностью, поэтому (в рамках парадигмы социального конструктивизма) особый приоритет отдаётся дискурсу и методу дискурсивного анализа, тождеству речи и действительности, интерсубъективности знаний и др.

Коллективом учёных Севастопольского государственного университета проведено интервью с представителями контактирующих с крымскими татарами этносами в городе федерального значения Севастополь. Отметим, что этничность оценивалась по самоопределению индивида. Интервьюирование проводилось в Севастополе с 26 апреля по 15 мая 2021 г.

Интервьюировано 50 человек, преимущественно идентифицирующими себя как русские и украинцы, некоторые отнесли себя к славянам, присутствует также бизтноры¹, в частности «русский украинец», «белорусская еврейка», «русская белоруска» и др.

Обращаем внимание, что наше исследование носит качественный характер и не может быть распространено на представления всей этногруппы, для этого требуется проведение дополнительных исследований.

Возрастной диапазон респондентов – от 18 до 69 лет. Респонденты представляют различные сферы деятельности: образование, медицину, военная служба, государственные служащие, индивидуальные предприниматели, сфера жилищно-коммунального хозяйства, строители, а также студенты и пенсионеры.

Основная часть

Уникальность географической локации Крымского полуострова, своеобразие его рубежности [16, с. 29] коррелирует во многом с политэтничностью региона. Подобное свойство, являясь весьма разновекторным и противоречивым, находит отражение в повседневных практиках и поведенческих стратегиях населения Крыма, определяющих ситуацию в региональном сообществе как конфликтную / толерантную / солидарную [5, с. 335].

Этнический состав населения отражает и политические трансформации. Отметим, что процессы, обусловленные Крымской весной, не привели к существенным изменениям в количественном соотношении этносов ни в Республике Крым (РК), ни в городе федерального значения Севастополь. Согласно переписи населения 2014 г., при абсолютном преобладании русских по самооценке, индекс этнической мозаичности Б. М. Эккеля в РК составил 0,508, а в Севастополе – 0,388 [16, с. 34].

Тем не менее, несмотря на некоторую схожесть, а именно большое количество русских, этническая палитра г. Севастополя и Республики Крым различна. Так, в РК на 2014 г. в тройку доминантных этногрупп наряду с русской (65,2 %), украинской (16,0 %) входит достаточно большая – крымско-татарская, которая составляет 12,6 % [3, с. 34]. Отметим, что ключевым фактором увеличения численности крымско-татарского населения в РК стал процесс его репатриации на свою историческую родину в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

В городе Севастополе на 2014 г. доминантными этногруппами являются русская (81,1 %) и украинская (14,2 %), а крымско-татарская очень малочисленна и составляет 0,8 % [3, с. 34], назвавшими себя татарами – 0,7 %, белорусская – 1 %. На формирование именно такого этнического состава населения города оказали влияние события, связанные с Великой Отечественной войной: уничтожение фашистами евреев и крымчаков, а также депортации по национальному признаку 1941 и 1944 гг. [6]. Этническое своеобразие города связано и с послевоенной спецификой развития города в качестве главной базы Черноморского флота со всеми вытекающими последствиями. Поэтому соотношение этногрупп практически неизменно. Так, по данным Всеукраинской

---

¹Бизтноры – термин, предложенный украинским социологом, президентом компании «Киевский международный институт социологии» (КМИС) Валерием Хмелько для обозначения индивидов, идентифицирующих себя в той или иной степени с двумя этническими группами. Бизтноры – это люди, которые либо не придают своей этнической принадлежности важного значения, либо для которых существенное значение имеют обе этнические принадлежности.

переписи населения 2001 г., на территории Севастопольского горсовета [15] численность русских определялась как 71,6 %, украинцев – 22,4 %, белорусов – 1,6 %, татар – 0,7 %, крымских татар – 0,5 %. Немногим отличался этнический состав населения Севастополя согласно данным последней переписи СССР (1989 г.): русские – 74,4 %, украинцы – 20,7 %, белорусы – 1,9 %, татары – 0,3 %, крымские татары – 0,1 % [15].

Наше исследование ограничивается локацией города федерального значения Севастополь и не включает изучение данной тематики в Республике Крым. Тем не менее, отметим, что Севастополь как субъект федерации не является исключённым из медийного и иных пространств Крыма в целом, поэтому интенсивность разного рода взаимодействий на всех уровнях оказывает влияние на формирование представлений респондентов.

Тема значимости возрастающей роли медиапространства просматривается в ответах респондентов. Так, для большинства из них основными поставщиками информации, в том числе и об ином этносе (в нашем случае – крымско-татарском) выступает глобальная сеть Интернет и средства массовой информации (преимущественно, телевидение (несколько респондентов указали, что иногда смотрят крымские телеканалы), реже – газеты), и лишь изредка научные исследования и рассказы близких. Однако подобная ситуация способна выступить потенциальной угрозой в силу того, что средства массовой коммуникации, выступая не только поставщиками информации, но и трансляторами важнейших ценностей и паттернов поведения личностей и групп, способны оказывать влияние на их сознание и поступки, задавать тон в сфере межэтнического взаимодействия. Развитие информационно-коммуникационных технологий способно обуславливать интенсификацию межэтнических контактов (как непосредственных, так и опосредованных), актуализировать этническую идентичность, а также поддерживать и формировать гетеростереотипы. Отметим, что межэтническое восприятие людьми друг друга потенциально является одним из существенных условий понимания/непонимания и взаимодействия (в том числе конфликтного) представителей различных культур.

Анализируя данные проведенного интервью, авторы фиксируют, что для преимущественного большинства респондентов этническая принадлежность не играет никакой роли («абсолютно не влияет»), «без разницы с кем общаться», «я национальность не спрашиваю») и лишь для единиц «частично влияет, в некоторых случаях» на выбор их круга общения, что позволяет утверждать о присутствии потенциальной коммуникационной активности у респондентов и представлении о наличии социальной и психологической комфортности в межэтнической коммуникации поликультурного сообщества.

На вопрос «Часто ли вы общаетесь с представителями иного этноса?», респонденты отвечают, что общаются, однако в разной степени. Так, наиболее распространённым ответом является «общаюсь, но не сказать, что часто», очень редко респонденты «не общаются». Отметим, что прослеживается некоторая корреляция между сферой занятости и частотой общения с представителями иного этноса, в том числе с крымскими татарами. Чаще всего такое общение происходит у работников сферы образования, здравоохранения, торговли, немногим реже – студенческой среде, военной службе: «сталкиваемся постоянно, они здесь живут, их много» (респондент муж. А., 42 года); «в университете, на рынке, встречаешься в транспорте» (респондент жен. И., 35 лет); «они так влились в наше общество, что уже не скажешь, что они крымские татары» (респондент жен. А., 50+ лет); «каждый человек имеет право общаться, иметь свою точку зрения, а если только подходить с этнической точки зрения, то это как-то и неправильно в моем представлении» (респондент жен. В., 68 лет); «по своему роду деятельности приходится общаться с многими национальностями, поэтому с крымскими татарами в том числе» (респондент муж. А., 51 год). В результате анализа ответов респондентов на данный вопрос межэтническая интеракция осуществляется в основном «по работе», «в компании у приятелей», «учеба».

Однако в качестве близких друзей крымские татары указываются очень редко, больше – «в качестве приятелей» и «знакомых», возможно, объяснением этому является небольшое количество самой крымско-татарской этногруппы в Севастополе, а, возможно, и её некоторой закрытостью: «они и так немножечко закрытый народ в плане своей культуры» (респондент жен. П., 18 лет). Отметим, что «закрытость крымских татар» подчёркивают авторы монографии «Крымские татары в условиях трансформации политического пространства» и объясняют подобную специфику преимущественно «негативной социальной памятью ...». «Крымские татары по-прежнему дистанцируются от “других”, ограничивают свой круг общения семьёй и друзьями» [9, с. 182].

Крупнейшим событием XX в., активно присутствующим в массовом историческом сознании современных россиян, неизменно остаётся Победа в Великой Отечественной войне. Однако коллективная память ряда этносов актуализирует не только воспоминания о героях и Победе как знаковых событиях, сближающих людей, но и способна (коллективная память) продуцировать значимые для этноса трагические события прошлого, которые в случае воспоминания часто принимают форму коллективной травмы [10, с. 304]. Речь идёт о специфике осуществления национальной политики и национальных отношений в СССР особенно в период 1941–1944 гг. посредством депортации целых народов, нивелирование их роли в Великой Победе и объявлении коллаборантами [12, с. 140]. Подобная судьба коснулась в том числе крымских татар.

Задачей исследовательского коллектива было выявить доминирующие смыслы в коллективной памяти контактирующих этносов об участии крымских татар в Великой Отечественной войне и депортации.

В ответах на вопрос относительно роли крымских татар в Великой Отечественной войне прослеживается доминирующий дискурс о неоднозначной (двойственной) роли крымских татар в Великой Отечественной войне: «татары, как и все и другие народы и национальности Советского Союза, участвовали в разгроме фашизма» (респондент жен. И., 57 лет) и «внесли вклад в Победу, работали в тылу». Респондент муж. А., 51 год, отметил, что «если в Великой Отечественной войне взять исторические факты и сопоставить процентовку предоставления званий Героя Советского Союза, то у крымско-татарского народа на душу населения, будет Героев

Советского Союза больше, чем у России», то есть «были те, кто поддерживал советскую власть и воевал на её стороне, и среди них были те, кто поддерживал оккупационный режим, и, соответственно, участвовал в коллаборационистских формированиях» (респондент муж. А., 59 лет). Большинство респондентов подчёркивают, что «роль крымских татар такая же значительная, как и роль любого другого народа в Великой Отечественной войне, потому что не только крымские татары (за что их якобы и депортировали) предавали Родину, и наши люди предавали Родину...» (респондент жен. П., 18 лет), «предателей было достаточно и среди русских, и среди украинцев...» (респондент муж. А., 59 лет); «были и белорусские коллаборационистские формирования» (респондент муж. Р., 47 лет); «в истории известен и феномен власовщины, когда и русские предавали...» (респондент муж. А., 18 лет).

Отметим, что присутствуют и единичные случаи негативной оценки роли крымских татар в Великой Отечественной войне в качестве предателей и коллаборантов, полностью нивелируется их вклад в Великую Победу, что представляется нам неверным и является транслированием стереотипа, сформированного и получившего возможность тиражирования в советский период. Респондент жен. И., 69 лет отмечает, что «в советский период транслировалась точка зрения, при которой государство было не виновато в депортации, а по отношению к крымским татарам навязывалось не очень хорошее отношение». Подобные этностереотипы далеки от объективности, базируются на предубеждениях, идеологических клише, однако, обладая высокой степенью устойчивости, способны влиять на этнические симпатии / антипатии, национальные установки, обуславливающие межэтническое взаимодействие людей.

На вопрос о героях крымско-татарского этноса, большинство респондентов называет если не фамилию героя, то род войск, в которых он служил. Так, респондент муж. А., 59 лет, отмечает: «я не могу назвать фамилию, но я хорошо помню, что среди крымских татар был Герой Советского Союза, лётчик и подводник, и я уверен, что ещё и другие». Этим героем является лётчик, участник Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан. Отметим, что около половины респондентов указывают его имя и фамилию. Респондент жен. Н., 27 лет, указал ещё героя по фамилии Тейфук.

Ещё одной темой становится признание вклада в Победу, осуществлённую героями крымско-татарского этноса, представителями партизанского движения, правда респонденты зачастую не знают их имен и фамилий, иногда лишь указывают на населённый пункт проживания, например, «партизанка, которая долгое время проживала в Дуванкой» (респондент жен. Ю., 49 лет).

Незначительное количество респондентов испытывают затруднение с ответом на вопрос касательно указания героев, редко встречается такой ответ: «Нет, никогда не интересовалась данной темой» (респондент жен. П., 20 лет).

Ответы респондентов на данный вопрос позволяет утверждать о достаточно широкой известности легенды советской авиации Амет-Хана Султана. Данная особенность, возможно, связана не только с его героической деятельностью в период Великой Отечественной войны, но и дальнейшей профессиональной деятельностью как лётчика-испытателя.

В 1955 г. в родном городе героя Алушке был установлен бюст почётному гражданину – Амет-Хану Султану, в 1993 г. начал работу [8] его музей в Алушке, в 2000 г. – его именем названа площадь в Симферополе. В 2008 г. принято решение о сооружении памятника в Симферополе. Отметим, что открытие памятника состоялось в столице Республики Крым лишь 25 октября 2020 г. к 100-летию со дня рождения лётчика. Этот факт известен и некоторым респондентам. Так, респондент муж. А., 51 год, отметил, что «недавно открыли памятник лётчику, Герою Советского Союза Амет-Хану Султану в Симферополе».

Респондент жен. Л., 58 лет, упомянула, что «мы знаем фильм о нем, который сняли в Крыму, очень интересный и познавательный для молодёжи и для более старшего поколения». Респондент не указала, о каком контренте фильме идёт речь. Следует подчеркнуть, что о герое Великой Отечественной войны сняли несколько фильмов. Один из них документальный под названием «Амет-Хан Султан. Гроза "мессеров"» (2015 г.) [1]. Другой фильм – художественный «Хайтарма» [13] (в переводе с крымско-татарского – «Танец» или «Возвращение»), премьера которого состоялась 17 мая 2013 г. в Симферополе (спродюсирован и выпущен на экран крымско-татарским телеканалом АТР, режиссёр и исполнитель главной роли – А. Сейтаблаев), акцентирует внимание не только на профессиональных качествах лётчика-героя, но и на трагедии всего крымско-татарского народа – факте депортации 18–20 мая 1944 г. Фактически речь идёт об использовании эстетических средств реализации политики памяти крымских татар, ставших жертвой насилия [10, с. 308].

Факт депортации, по мнению исследовательницы Эльмиры Муратовой, стал «важной частью коллективной памяти крымских татар», точкой отсчёта, рубежом, разделяющим этническую историю народа на «ДО» и «ПОСЛЕ» [9, с. 7]. Следует отметить, что «в советской историографии эта тема была табуирована до конца 80-х годов XX века, и до сих пор слишком политизирована», – подчеркнул респондент муж. Р., 47 лет.

В ходе интервью респондентам был задан следующий вопрос «Слышали ли они о депортации крымских татар и ряда других этносов 18–20 мая 1944 г.?». Незначительная часть респондентов указала, что не знает и не слышала о данном событии. Большинство ответили утвердительно на заданный вопрос, часть дополнили, что не только крымские татары подверглись депортации. Респондент жен. И., 57 лет, подчеркнула, что «да, ... это большая проблема всего сталинского режима. Конечно, в том числе и отдельных национальностей»; «это нашумевший вопрос» (респондент жен. Л., 58 лет). «Конечно, но это касалось депортации не только крымских татар. Депортации были не только в тот период. Она касалась тех народов, которые проживали в Крыму» (респондент жен. В., 68 лет); «подверглась депортации и часть Кавказских народов» (респондент муж. С., 47 лет).

«И армяне, и крымские татары, и немцы проживали в Крыму. Очень много было этносов. Говорить только о депортации крымских татар было бы неправильно. Тем не менее, они были, наверное, самой большой частью населения, которая была депортирована» (респондент муж. А., 51 год).

В продолжение вопроса относительно самого факта депортации был задан вопрос о том, как кажется респонденту, «С чем было связано такое решение? За что депортированы крымские татары?».

Здесь присутствует вариативность ответов. Доминирует тема «якобы предательство», «их обвиняли в пособничестве фашистам» и т. п. «Это решение было связано с определённой позицией советской власти относительно участия крымских татар в борьбе с партизанскими формированиями на территории Крыма. С точки зрения советской власти, крымские татары были депортированы за предательство, с моей точки зрения, любой этнос имеет разных представителей и, соответственно, я не поддерживаю депортацию как таковую» (респондент муж. А, 59 лет).

Респонденты объясняют данный факт историческими, политическими, экономическими обстоятельствами, индивидуальными жизненными обстоятельствами, спецификой сложившегося тоталитарного режима и культуры личности Сталина и т. п. «Ну, наверно, с одной стороны, были какие-то жёсткие исторические обстоятельства. ... То есть это вызвано чисто политикой, политика, как я понимаю, достаточно аморальная временами вещь» (респондент жен. И., 57 лет); «я не жила в то время, но я думаю, что это могло быть связано с какими-то политическими, экономическими вопросами» (респондент жен. Л., 58 лет); «правительство, возглавляемое Сталиным, да и сам Сталин, считали, что они сотрудничали с немцами в годы Великой Отечественной войны» (респондент жен. Ю. 49 лет); «с недоверием к крымским татарам и боязнь того, что они могли перейти на сторону противника» (респондент муж. Т., 20 лет).

Интересна тема, указанная респондентом жен. С., 44 года, о том, что депортация связана «с сотрудничеством ряда представителей руководителей крымско-татарского населения, насколько я помню, с фашистской Германией», а респондент муж. Е., 27 лет, связывает депортацию «с определёнными этническими проблемами, разногласиями с этим этносом».

Дальнейший анализ ответов позволил выделить две темы дискурса. Доминирующая – респонденты знают, что депортирован был весь народ, включая детей, женщин и стариков. Присутствует и дискурс депортации не всего, а только части народа, причём лишь тех, кто сотрудничал с фашистскими оккупантами: «Депортировали не весь этнос, а отдельных представителей» (респондент муж. В, 41 год).

В одном из вопросов необходимо было выразить отношение к факту депортации крымско-татарского народа: «У меня нет никакого отношения. Это история. Я отношусь к ней как к истории» (респондент жен. В., 42 года). В то же время практически все респонденты назвали депортацию негативным явлением, порицают его и считают слишком жёстким решением даже при наличии факта сотрудничества части крымско-татарского населения с немцами (как было указано в официальной версии того периода). «Депортация – это трагедия крымско-татарского народа, другого отношения быть не может» (респондент жен. Н., 27 лет); «это какое-то насильственное решение национальной проблемы» (респондент жен. В., 68 лет); «это жестокие действия» (респондент муж. С., 47 лет); «негативное, в любом случае. Я не говорю сейчас об истории России, это можно отнести и к США, и каким угодно государствам, то есть какое-то отношение к каким-то определённым этносам, народам, будь то коренные народы и т. д. их вынужденных выселениях, помещении в какие-то специальные лагеря является преступлением» (респондент муж. Р., 49 лет); «негативное, но такая тактика применялась не только в отношении к крымским татарам в СССР. Подобная практика применялась и в США, где был совершенно иным политический режим, нежели в СССР. Однако там выселили всех японцев с территории Западного побережья именно в превентивных мерах с целью убрать основу для подрывной деятельности со стороны японской диаспоры. Можно сказать, что в СССР какая-то логика военного времени и безопасности присутствовала, а также она подтверждалась какой-то доказательной базой о фактах сотрудничества впоследствии насильственно переселённых этносов. Однако в рамках уголовного права есть принцип индивидуальной ответственности, то есть нельзя было огульно обвинять весь народ, даже если такие факты были и достаточное количество. То есть каждый должен отвечать только за то, что он совершил конкретно» (респондент муж. Р., 47 лет).

Депортация «негативна с гуманистической точки зрения. Это и дети, и старики, то есть может жестковато: за 24 часа погрузить ночью» (респондент жен. Л., 58 лет).

Ответы на данный вопрос коррелируют с дискурсами, выявленными в предыдущем вопросе, а именно: та часть респондентов, которая знает о депортации всего народа, осуждает факт депортации крымских татар. Противоположной позиции придерживаются те респонденты, которые считают, что применялся принцип индивидуальной ответственности и депортировали только виновных, в силу этого данные респонденты к относятся к депортации в целом нормально и руководствуются принципом: виновные должны понести заслуженное наказание. Респондент муж. В., 41 год: «отношение нормальное. То есть виноват, следовательно, депортировали, а кто не виноват – того нет»; респондент жен. Е., 25 лет: «часть крымских татар, которые сотрудничали с Гитлером, Сталин выслал на перевоспитание, я подчёркиваю, что на перевоспитание, а не на истребление».

Следующий вопрос, который был задан респондентам, имел следующую формулировку: «Откуда вы узнали информацию о депортации?». Часть респондентов ответила, что читала об этом в СМИ, особенно в 90-е гг., иные упомянули чтение художественной литературы: «Точно не могу сказать. Это было достаточно давно. Где-то читал. То ли в газете, то ли в книге. Но книга не документальная, а по-моему была художественная» (респондент муж. А., 59 лет); «Это была и литература, и различные радиопередачи, это были и свидетельства людей».

Причём я говорю не только о крымских татарах, я и говорю о людях, живших на Западе Украины. То есть из самых разных источников» (респондент муж. Р., 49 лет).

Часть респондентов указала, что узнала о данном событии в рамках школьной и университетской программ, кто-то (в силу профессиональной деятельности) – из архивных документов, кому-то рассказали родственники или знакомые, и совсем малое количество респондентов – из воспоминаний участников данных событий (в силу давности события). «Это ещё в детстве говорилось, от родителей, от бабушки по поводу такого несправедливого отношения и хорошо, что сегодня произошла реабилитация и что люди сегодня могут “расправить плечи”. И те люди, которые воевали и которые имели огромные заслуги, – герои этой войны, герои Советского Союза, которые есть среди татарского населения, уважаемые люди. Этот груз снят и не только с этого народа, но и с других» (респондент жен. В., 68 лет).

Единицы респондентов попали, так сказать, в «гущу событий»: «в начале 90-х годов этот день депортации его начали отмечать в Симферополе и там это крымско-татарское движение было достаточно активно, то есть в связи с мемориальными событиями я и узнал» (респондент муж. С., 47 лет). То есть данные проведённого интервью позволяют утверждать о наличии разнообразных источников информации касательно факта депортации крымских татар, а замыкают ранжированный список телевидение и Интернет.

Интересные дискурсы выявлены в ответах респондентов на вопрос о судьбе крымских татар в местах спецпоселений. Около трети респондентов ответили, что им ничего не известно об этом: «Единственно знаю, что им пришлось тяжело, как и любому депортированному народу. Как и чеченцам, осетинам, волжским немцам» (респондент муж. А., 59 лет).

Условно можно выделить две основные линии. Первая тема – тема трагической судьбы и жертв. Респондент жен. С., 44 года, отмечает, что «трагическая судьба, очень большие потери. Высокая смертность была среди детского населения, взрослого населения и в момент самой депортации и переселения и в местах поселения. В общем-то, судьба, как в любых лагерях, так и зонах обсервации, – трагическая судьба этого народа». «С моей точки зрения, любые места спецпоселения – это достаточно суровые условия выживания, и поэтому я уверен, что было много случаев когда было насилие, голод, холод были их уделом» (респондент муж. А., 59 лет). «Народ очень скучал по своим родным местам, очень бедно жили, их все считали предателями Родины. Вот как то так их всех объединили и считали предателями Родины. После этого крымские татары стали таким очень объединённым народом, очень углубились в изучение своей истории», – ответил респондент жен. П., 18 лет.

Респондент жен. Н., 27 лет, указывает, что «в литературе о крымско-татарском движении ряд исследователей – Червоная, Губагло – и ряд зарубежных исследований подают данные об ужаснейших нечеловеческих условиях существования крымских татар, что было связано с попыткой уничтожения народа. Об этом говорит Мустафа Джемилев и другие лидеры Меджелиса крымско-татарского народа. В советской историографии представлена иная позиция и утверждается об обратном. Однако поскольку тема чрезмерно политизирована, то достаточно сложно делать какие-то выводы».

Вторая тема, не отрицая наличия трудностей и жертв, акцентирует внимание на том, что крымские татары сохранились как этнос, следовательно, возможности развития для этноса были. Так, респондент жен. В., 68 лет, подчёркивает, что «художественные фильмы раскрывают только одну сторону как вывозили, как применяли силу, эти теплушки и вагоны – к этому отношусь отрицательно. Конечно, женщины, дети, старики, внезапность – это для любого народа, любого этноса уйти с территории своей родины – это сложно». Респондент муж. Н., 20 лет, ответил так: «там была не очень благоприятная среда для существования людей в принципе любых».

Респондент муж. Р., 47 лет, считает, что «насколько я понимаю, в условиях послевоенного времени, особенно после XX Съезда, возможности для полноценного развития крымско-татарского этноса были, кроме того, что существовали ограничения на возможность вернуться на историческую родину в Крым. В связи с этим возникло движение сопротивления в среде крымских татар, которое носило в основном мирный характер. Советское правительство не пошло навстречу этим чаяниям этноса. Насколько я понимаю, крымские татары были неплохо адаптированы в Узбекистане, о чём свидетельствует достаточно немалое количество крымских татар, которые в разное время получили высшее образование».

«Все же, учитывая, что крымские татары сохранились как этнос, это является показателем определённых условий и возможностей жизни на тех территориях», – отметил респондент жен. Н., 27 лет.

Ещё одним вопросом у нас стал вопрос, направленный на отношении контактирующих этносов к репатриации крымских татар? Незначительная часть респондентов указала, что им все равно: «К сожалению, историю не отмотать. Это уже свершившееся событие» (респондент муж. Е., 27 лет).

Превалирующее большинство относится положительно к данному процессу; «Позитивно, так как это Крым, где они сформировались ещё в XIII веке, они ещё не были крымскими татарами. И вот с XIII и практически по XIX век происходили процессы этнической консолидации» (респондент муж. С, 47 лет); «Народ имеет полное право жить, там, где заложены его истоки» (респондент жен. П., 18 лет); «это их историческая родина» (респондент муж. Т., 20 лет).

«Это закономерные вещи, запоздалые, хотя могло решиться ещё ранее. Это исторически справедливо, это конструктивные процессы. Затруднительность возвращения была связана с тем, что в этом вопросе не последнее место играло то, что Крым в 1954 г. был передан Украинской ССР. Дело в том, что все народы, которые были депортированы с территории РСФСР, они на свою историческую родину вернулись раньше. Не вернулись только те, которые должны были возвращаться на территорию союзных республик. То есть

грузинское руководство было против возвращения турок-месхетинцев, а украинское – против возвращения крымских татар» (респондент муж. Р., 47 лет).

«Как факт, который состоялся, хотя процесс репатриации был неорганизованным, в силу этого и крымские татары достаточно пострадали, ведь их и возвращали изначально, не пускали на территорию Крыма, потом предоставляли территории, на которых они не могли просто жить, что влекло за собой столкновения и захват территории. Что связано было с неорганизованностью. Градус накала подогревался ролью Меджлиса крымско-татарского народа» (респондент жен. Н., 27 лет).

Ещё одним сюжетом является восприятие репатриантов как потенциального фактора дестабилизации в межэтнических отношениях и повышения уровня конфликтности: «С одной стороны, крымские татары имеют на это право, с другой – возвращение негативно настроенного населения на территорию, которую они считают своей, влечёт за собой последствия их специфического поведения» (респондент жен. П., 20 лет); «Это закономерно. Главное, чтобы это не ущемляло права других этносов, которые живут в Крыму» (респондент муж. Ю., 57 лет); «Действовать необходимо в рамках разумного, не меняя сложившиеся устои и традиции, которые уже есть сегодня в Крыму» (респондент муж. Е., 27 лет).

Выводы

Феномен полиэтничности Крыма неразрывно связан с особенностями исторического развития данного региона, что позволяет утверждать о наличии дискурса в региональной проекции, то есть с можно вести речь о тематически сфокусированной, социокультурно обусловленной речемыслительной деятельности в данном регионе. Поэтому на основе анализа интервью с представителями контактирующих этносов, проживающих в городе федерального значения Севастополь, авторы выявили ключевые дискурсы в отношении крымско-татарской этногруппы – её участие в событиях Великой Отечественной войны и факта депортации 18–20 мая 1944 г.

Отметим, что в современных условиях ключевым источником информации практически для всех респондентов выступает Интернет, а потом традиционные СМИ. Диверсификация информационных потоков и специфика новых медиа способны обуславливать формирование картины мира как общества в целом, так и отдельной личности и этногруппы. Виртуализация бытия выступает уникальной системой по продуцированию и трансмиссии ценностей культуры, влияет на процесс формирования массового сознания и т. п. То есть при формировании самосознания происходит генерирование определённого отношения к ключевым паттернам человеческого бытия (родина, семья, государство, власть и т. д.), находит отражение осознание общности со своей группой, продуцируется отношение к другим. В данном контексте медиа, приобретая черты инструменталистского толка, способны тонко задавать виды «Другого» («враг», «чужой», «иной»), формировать установки этнического сознания толерантного / интолерантного плана, транслировать и закреплять ценностные императивы, формировать и поддерживать установки этнической жертвенности и т. п.

Касательно роли крымских татар в Великой Отечественной войне доминирует дискурс об их неоднозначной (двойственной) роли в этом эпохальном событии, что подразумевает наличие в этнической среде как защитников Советской страны, так и коллаборантов. Особый акцент делается на том, что крымские татары мало чем отличаются в этом от представителей иных этносов. Везде были предатели и герои.

Многие представители контактирующих этносов утверждают о большом количестве героев из крымских татар в Великой Отечественной войне, однако указать могут лишь дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана. Линия героизма продолжается и в героизме партизанского движения, где герои-анонимны.

Большинству респондентов известен факт депортации крымских татар из Крыма, как депортация и иных этносов в этот период.

Относительно депортации выявляются две «сюжетные линии». Первая, доминирующая, – большинству известен факт депортации всего крымско-татарского народа, а вторая линия представлена менее сильно, акцентирует внимание на том, что была депортация не всего крымско-татарского народа, а только части, причём лишь тех, кто непосредственно сотрудничал с немецким оккупационным режимом. Бинарность дискурса депортации коррелирует с тем, что осуждение депортации присутствует у тех респондентов, которые знают, что из Крыма был выслан весь крымско-татарский народ.

Другие придерживаются совершенно иной позиции: если депортировали только предателей и коллаборантов, то депортация не вызывает порицание, а воспринимается как заслуженное наказание за совершённые деяния.

Вопрос о судьбе крымских татар в местах спецпоселений выявил две основные линии: первая – тема трагической судьбы и жертв, а вторая не отрицает наличия трудностей и жертв, акцентирует внимание на том, что крымские татары сохранились как этнос, следовательно, возможности развития для этноса были.

Вопрос репатриации оценивается преимущественно положительно, однако просматриваются опасения относительно возможности дестабилизации межэтнических отношений, что позволяет утверждать о наличии в регионе проблемы латентной межэтнической напряженности.

Поэтому сохранение межэтнического согласия и стабильности в регионе как залога его успешного развития коррелирует со взвешенными действиями органов власти, соответствующим информационным сопровождением, а также реализацией потенциала гражданского общества.

Список литературы

1. Амет-Хан Султан. Гроза «мессеров». – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=z84vkgM2G_0, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 02.06.2021).
2. Баранов, А. В. Идентичность как ресурс создания доверия и регулирования конфликтов в полиэтническом Крыму / А. В. Баранов // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы : сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума. Симферополь, 05–07 ноября 2020 г. / под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной. – Симферополь : Ариал, 2021. – С. 95–100.
3. Баранов, А. В. Особенности развития и регулирования внутренних региональных конфликтов в Краснодарском крае и Крыму: сравнительный анализ / А. В. Баранов // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации : монография / под ред. Н. А. Шибановой. – Казань : Казанский университет, 2021. – С. 29–38.
4. Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 88–125.
5. Дроздова Ю. А. Солидарность как основание формирования региональной идентичности / Ю. А. Дроздова // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 4. – С. 334–342.
6. Значительные изменения этнического состава населения Севастополя произошли во время войны. – Режим доступа: <https://sevastopolmedia.ru/news/760830/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 08.06.2021).
7. Молодыхенко, Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа / Е. Н. Молодыхенко // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312.
8. Музей Дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана, г. Алушка. – Режим доступа: <https://krtmuseum.ru/muzej-dvazhdy-geroia-sovetskogo-soyuza-amet-hana-sultana-g-alupka/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.06.2021).
9. Муратова, Э. С. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства / Э. С. Муратова, Л. Я. Дюльберова, А. И. Апселямова. – Симферополь : Ариал, 2020. – 192 с.
10. Муратова, Э. С. Память о депортации как фактор этнополитической мобилизации крымских татар / Э. С. Муратова // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации : монография / под ред. Н. А. Шибановой. – Казань : Казанский университет, 2021. – С. 300–312.
11. Постановление ГКО от 11 мая 1944 г. № 5859сс «О крымских татарах». – Режим доступа: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1944.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.06.2021).
12. Синецын, Ф. Л. Депортации народов как фактор дестабилизации этнической ситуации в Поволжском, Кавказском и Крымском регионах СССР (1941–1944 гг.) / Ф. Л. Синецын // Информационная безопасность регионов. – 2011. – № 2 (9). – С. 137–143.
13. Хайтарма (художественный фильм). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YRDHHRVY5aE>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.06.2021).
14. Холл, С. Вопрос культурной идентичности / С. Холл // Художественный журнал. – 2010. – № 77–78. – Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.06.2021).
15. Численность и состав населения Севастопольского горсовета по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. – Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.06.2021).
16. Швец, А. Б. Полиэтничность Крыма как фактор выравнивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» / А. Б. Швец // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2019. – Т. 5 (15), вып. 4. – С. 29–46.
17. Rothschild, J. Ethnopolitics, A Conceptual Framework / J. Rothschild. – New York : Columbia University Press, 1981. – 290 p.
18. Sherzer, J. A discourse-centred approach to language and culture / J. Sherzer // American Anthropologist. – 1987. – Vol. 89, issue 2. – P. 295–309.
19. Van Dijk, T. A. Discourse as structure and process: (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction) / T. A. van Dijk. – London : Sage, 1997. – Vol. 1. – 186 p.

References

1. *Amet-Han Sultan. Groza "messеров"* [Amet Khan Sultan. The terror for "messers"]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=z84vkgM2G_0 (accessed: 06.06.2021).
2. Baranov, A. V. Identichnost kak resurs sozdaniya doveriya i regulirovaniya konfliktov v polietnicheskom Krymu [Identity as a resource for creating trust and regulating conflicts in the multi-ethnic Crimea]. *Politicheskoe prostranstvo i sotsialnoe vremya: globalnye vyzovy i tsivilizatsionnye otvety: Sbornik nauchnykh trudov XXXVII Mezhdunarodnogo Kharakskogo foruma. Simferopol, 05–07 noyabrya 2020 goda*. [Political space and social time: global challenges and civilizational responses: Collection of research papers of the 37th International Kharax Forum. Simferopol, 05–07 November 2020]. Ed. by of T. A. Senyushkin. Simferopol, Aerial Publ. House, 2021, pp. 95–100.

3. Baranov, A. V. Osobennosti razvitiya i regulirovaniya vnutrennikh regionalnykh konfliktov v Krasnodarskom krae i Krymu: sravnitelnyy analiz [Features of the development and regulation of internal regional conflicts in the Krasnodar Territory and the Crimea: a comparative analysis]. *Upravlenie regionalnymi konfliktami v usloviyakh tsifrovizatsii sovremennogo obshchestva: metodologiya i praktiki realizatsii: monografiya* [Managing regional conflicts in the context of digitalization of modern society: methodology and practice of implementation: Monograph]. Ed. by N. A. Shibanova. Kazan, Kazan State University Publ. House, 2021, pp. 29–38.
4. Blakar, R. Yazyk kak instrument sotsialnoy vlasti [Language as an instrument of social power]. *Yazyk i modelirovaniye sotsialnogo vzaimodeystviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, Progress Publ. House, 1987, pp. 88–125.
5. Drozdova, Yu. A. Solidarnost kak osnovanie formirovaniya regionalnoy identichnosti [Solidarity as the basis for the formation of regional identity]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2011, no. 4, pp. 334–342.
6. *Znachitelnye izmeneniya etnicheskogo sostava naseleniya Sevastopolya proizoshli vo vremya voyny* [Significant changes in ethnic composition of the population of Sevastopol occurred during the war]. Available at: <https://sevastopolmedia.ru/news/760830/> (accessed: 08.06.2021).
7. Molodychenko, E. N. Identichnost i diskurs: ot sotsialnoy teorii k praktike lingvisticheskogo analiza [Identity and discourse: from social theory to the practice of linguistic analysis]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennoye nauki* [Scientific and technical bulletin of SPbSPU. Humanities and social sciences], 2017, vol. 8, no. 3, pp. 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312.
8. *Muzej Dvazhdy Geroya Sovetskogo Soyuza Amet-Khana Sultana, g. Alupka* [Museum of Twice Hero of the Soviet Union Amet Khan Sultan, Alupka]. Available at: <https://krtmuseum.ru/muzej-dvazhdy-geroya-sovetskogo-soyuza-amet-hana-sultana-g-alupka/> (accessed: 06.06.2021).
9. Muratova, E. S., Dylberova, L. Ya., Apseyamova, A. I. *Krymskie tatary v usloviyakh transformatsii politicheskogo prostranstva* [Crimean Tatars in the conditions of transformation of the political space]. Simferopol, Arial Publ. House, 2020, 192 p.
10. Muratova, E. S. Pamyat o deportatsii kak faktor etnopoliticheskoy mobilizatsii krymskikh tatar [The memory of the deportation as a factor of ethno-political mobilization of the Crimean Tatars]. *Upravlenie regionalnymi konfliktami v usloviyakh tsifrovizatsii sovremennogo obshchestva: metodologiya i praktiki realizatsii: Monografiya* [Managing regional conflicts in the context of digitalization of modern society: methodology and practice of implementation: Monograph]. Ed. by N. A. Shibanova. Kazan, Kazan State University, 2021, pp. 300–312.
11. *Postanovlenie GKO ot 11 maya 1944 g. № 5859ss "O krymskikh tatarakh"* [Resolution of the State Defense Committee of May 11, 1944 No. 5859ss "On the Crimean Tatars"]. Available at: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1944.htm> (accessed: 01.06.2021).
12. Sinitsyn, F. L. Deportatsii narodov kak faktor destabilizatsii etnicheskoy situatsii v Povolzhskom, Kavkazskom i Krymskom regionakh SSSR (1941–1944 gg.) [Deportations of peoples as a factor of destabilization of the ethnic situation in the Volga, Caucasian and Crimean regions of the USSR (1941–1944)]. *Informatsionnaya bezopasnost regionov* [Information security of the regions], 2011, no. 2 (9), pp. 137–143.
13. *Khaytarma (khudozhestvennyy film)* [Haitarma (feature film)]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=YRDHHRVY5aE> (accessed: 01.06.2021).
14. Khol, S. Vopros kulturnoy identichnosti [The question of cultural identity]. *Khudozhestvennyy zhurnal* [Art Magazine], 2010, no. 77–78. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485> (accessed: 05.06.2021).
15. *Chislennost i sostav naseleniya Sevastopolskogo gorsoвета po itogam Vseukrainskoy perepisi naseleniya 2001 goda* [The number and composition of the population of the Sevastopol City Council on the results of the All-Ukrainian population Census of 2001]. Available at: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/> (accessed: 05.06.2021).
16. Shvets, A. B. Polietnichnost Kryma kak faktor vystraivaniya regionom balansa "vnutristranovykh" i transgrannichnykh svyazey v sisteme "Bolshoy Evraziy" [The polyethnicity of the Crimea as a factor in the region building a balance of "intra-country" and cross-border relations in the system of "Greater Eurasia"]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions], 2019, vol. 5 (15), iss. 4, pp. 29–46.
17. Rothschild, J. *Ethnopolitics, A Conceptual Framework*. New York, Columbia University Press, 1981, 290 p.
18. Sherzer, J. A discourse-centred approach to language and culture. *American Anthropologist*, 1987. vol. 89, iss. 2, pp. 295–309.
19. Van Dijk, T. A. *Discourse as structure and process: (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introductio)*. London, Sage Publ. House, 1997, vol. 1, 186 p.